

И женѣ рече: умножая умножу печали твоя и въздыханія твоя: в болѣзнехъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою овладати будетъ (Быт. 3, 16)

Чемъ более размышляемъ мы, братіе мои, о сказаніи Моисеевомъ касательно паденія прародителей нашихъ, тѣмъ сильнѣе убѣждаемся, что въ семъ токмо святомъ сказаніи, не смотря на краткость его, содержитсяъ ключъ къ разрѣшенію всѣхъ недоумѣній касательно настоящаго бытія нашего на землѣ, къ поясненію нынѣшняго состоянія самой природы, насъ окружающей. Ибо вообразимъ на время, что у насъ нѣтъ подобнаго сказанія; тогда мы не будемъ знать, какъ произошелъ міръ и человѣкъ, что было потомъ съ нашими прародителями, какъ они пали и увлекли за собою в бездну зла все, что отъ нихъ зависѣло или имѣло зависѣть въ будущемъ: а безъ сего нельзя сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбѣ рода человѣческаго и всего, что окружаетъ насъ: откуда, напр., тѣ бѣдствія, коими всѣ мы окружены съ младенчества до гроба, и для чего они? Откуда разстройство и беспорядокъ въ природѣ, насъ окружающей, которая съ одной стороны является такъ прекрасною, а съ другой представляетъ видъ поля послѣ великаго сраженія? Но когда вспоминаешь объ Эдемѣ и плодѣ запрещенномъ, о змѣ-искусителѣ и пагубной снѣди, о смоковничномъ препоясаніи и грозномъ, но столь же милосердомъ судѣ Божіемъ, то мракъ, покрывающій судьбу земли и человѣка, разсѣвается; узнаемъ, откуда зло въ мірѣ, за что и для чего страдаетъ все живущее; и, вмѣсто ропота и отчаянія, одушевляемся святымъ терпѣніемъ и надеждою на Провидѣніе. И были лжемудрецы, кои, отвергая сказаніе Моисея о первобытномъ человѣкѣ и его паденіи, думали еще показать этимъ свою мудрость! Что же возмogli дать они въ замѣнъ свитка Моисеева? Нелѣпныя мечты разстроенаго воображенія, кои могли казаться стоящими вниманія только ихъ суемудрымъ изобрѣтателямъ. Но честь и благодарность здравой наукѣ, которая, углубившись въ изслѣдованіе природы, не замедлила сама стать противъ лжеименной мудрости и показать всему свѣту, что бытописаніе Моисея превыше всякаго сомненія, потому что написано не на одной хартіи, а начертано неизгладимыми буквами на лицѣ всей земли. Пожалѣвъ о семъ печальномъ и уже почти прошедшемъ явленіи, пойдѣмъ паки съ благоговѣніемъ за боговдохновеннымъ вождемъ нашимъ и выслушаемъ изъ устъ его, какъ, во слѣдъ за змѣемъ-искусителемъ, судъ Божій коснулся и насъ, кои такъ легкомысленно приложили слухъ къ его обаянію.

И женѣ рече: умножая умножу печали твоя: въ болѣзнехъ родиши чада: и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою овладати бу-

детъ. Допросъ начать былъ съ мужа, а наказаніе начинается съ жены. Почему такъ? Потому конечно, что жена, какъ мы видѣли, первая открыла слухъ и сердце свои искусителю, и она же сдѣлалась почти единственною причиною паденія для своего мужа. Да не забываютъ сего жены, кто бы онѣ ни были и какъ бы высоко ни стояли, и да прилагаютъ попеченіе о томъ, чтобы скромностію, смиреніемъ и послушаніемъ мужу вознаградить свое первобытное легкомысліе и кичливость!

Умножая умножу печали твоя и въздыханія твоя. Онѣ будутъ, какъ бы такъ сказано, у тебя и сами по себѣ (ибо какъ не печалиться и не въздыхать той, которая легкомысліемъ и продерзостію своею подвергла столькимъ бѣдствиямъ и себя, и мужа, и весь родъ человѣческій?); но кромѣ сего явится у тебя множество еще такихъ скорбей и въздыханій, отъ коихъ мужъ твой будетъ свободенъ, отъ коихъ и ты, хотя и преступница заповѣди, была бы свободна, если бы не показала себя въ дѣлѣ общаго преступленія такъ самонадѣянною и особенно усердною къ общей гибели. Поелику такое, удвоенное, обузданіе необходимо для твоей непомянутой склонности къ чувственному то наложу его Я самъ; и поелику наложу Я, то никто не въ состояніи будетъ снять его съ тебя. Чѣмъ бы ты ни была, какъ бы высоко ни стояла, печали и въздыханія всюду будутъ слѣдовать за тобою: *умножая умножу печали и въздыханія твоя!*

Послѣ сего какъ бы введенія, изображается уже самое наказаніе жены, состоящее изъ двухъ видовъ: она осуждается, во-первыхъ, на болѣзни рожденія, во-вторыхъ, на подчиненіе своему мужу. Разсмотримъ каждое наказаніе порознь: ибо въ томъ и другомъ найдемъ урокъ для нашего назиданія.

Въ болѣзняхъ родиши чада. Значитъ, до преступленія заповѣди, въ состояніи невинности, чада рождались бы безъ болѣзни. Такъ и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному дѣйствию, каково произведѣніе на свѣтъ человѣка, сопряжену быть съ болѣзнями и страданіемъ? Только одинъ грѣхъ, ставъ на срединѣ, могъ произвести сіе, заставивъ явиться скорбь и болѣзнь тамъ, гдѣ бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселію. Посему животныя и донинѣ свободны отъ большей части мукъ чадорожденія, какъ бы въ показаніе того, что если человѣкъ столько подлѣжитъ имъ, то не по необходимому закону природы, а по особенному распоряженію о немъ Промысла Божія. И поелику въ семъ случаѣ дѣйствовало само правосудіе Божіе, то не безъ мудраго конечно намѣренія обратило въ наказаніе женѣ то самое, что, въ состояніи невинности, имѣло сопровождаться однимъ чистымъ удовольствіемъ. Ибо Господь всеблагій, если наказуетъ кого либо, то наказуетъ всегда такъ, чтобы наказуемый самымъ наказаніемъ отводился отъ какого либо зла и приводился къ какому либо добру. Въ настоящемъ случаѣ, когда опредѣлялась судьба не одной Евы, а въ лицѣ ея и всѣхъ будущихъ дочерей человѣческихъ, цѣлой половины всего рода человѣческаго, тѣмъ паче имѣлось въ виду не мщеніе какое либо и не желаніе поразить какъ можно чувствительнѣе и преогорчить самую большую радость въ жизни, а благо самой жены.

Какое же благо, спросит кто либо? То, чтобы удержать на будущее время жену отъ поползновенія къ грѣху. При запрещенномъ дровѣ, Ева, какъ мы видѣли, обнаружила крайнюю наклонность свою прельщаться внѣшнимъ видомъ и увлекаться наслажденіемъ чувственнымъ. Если при взорѣ на красивое дерево и сладкій плодъ она такъ потерялась и погибла; то что будетъ съ нею при встрече с красотою одушевленной? И вотъ въ ограду ея целомудрія ставятся безсмѣнные, неумолимые и неподкупные стражи – болѣзни чадорожденія, да, увлекаемая страстію, она будетъ удерживаема представленіемъ продолжительности бременашенія и мукъ рожденія, кои ожидаютъ ее за минутное услажденіе плоти. Вмѣстѣ съ симъ, посредствомъ этого же самаго наказанія жены, будетъ достигнута у Промысла и другая, не менѣе важная цѣль въ отношеніи ко всему роду человѣческому, та цѣль, чтобы связать тѣснѣйшимъ союзомъ любви раждающихъ съ рожденными отъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, почему матери гораздо приверженнѣе къ дѣтямъ, нежели отцы? Потому, что дѣти достались имъ гораздо дороже, нежели отцамъ.

Но съ другой стороны, что было причиною для насъ печалей и болѣзней, то обыкновенно становится послѣ того непріятнымъ и отвратительнымъ, такъ что мы не можемъ впослѣдствіи и смотрѣть равнодушно на преждебывшій источникъ скорбей нашихъ. Посему можно было опасаться, что и въ семъ случаѣ умноженіе для жены болѣзней, во время ея чревоношенія и рожденія, произведетъ нѣчто подобное, и заставитъ жену, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что было бы противно цѣлямъ самаго Промысла о размноженіи на землѣ рода человѣческаго. Что же дѣлаетъ премудрость Божія для удаленія сей противоположной крайности? Ничего болѣе, какъ соединяетъ конецъ чадорожденія съ такою чистою душевною радостію, что жена, какъ говоритъ самъ Спаситель, не помнитъ уже въ то время прежней скорби своей – за радость, *яко родился человѣкъ въ міръ* (Іоан. 12, 21). Такъ умѣетъ Промыслъ достигать своихъ премудрыхъ и всеблагихъ цѣлей!

Съ намѣреніемъ, братіе мои, медлимъ мы на семъ предметѣ и входимъ въ такія подробности, дабы дать женамъ случай вникнуть болѣе въ опредѣленіе Божіе о нихъ и почерпнуть изъ него для себя и назиданіе и утѣшеніе. Велики скорби жены! Дорого стоитъ ей младенецъ, ко его лелѣетъ она у груди своей! Стократъ дороже, нежели его отцу и ея мужу! Но это не слѣпой какой либо случай судьбы, а премудрое и все-святое опредѣленіе Божіе. Посему-то никакая изъ женъ не свободна отъ болѣзней рожденія. Въ чертогахъ великолѣпныхъ страдаютъ такъ же, какъ и въ послѣдней хижинѣ. Жены высшаго званія и сана подлежатъ нерѣдко даже большимъ опасностямъ и мукамъ при чадорожденіи, нежели жены простыхъ людей; и это потому, что слишкомъ искусственнымъ образомъ жизни своей онѣ слишкомъ далеко уклоняются отъ простыхъ законовъ природы, а нравами своими – отъ чистоты душевной, и такимъ образомъ сами для себя увеличиваютъ тяжесть наказанія Божія. Но какъ бы оно ни было тяжело, поелику отъ Бога, то всегда можетъ служить на пользу душевную, если только мы не испортимъ дѣла съ нашей стороны. Самая мысль, что онѣ страдаютъ по

волѣ и непосредственному распоряженію Божію, должна служить великою отрадою для женъ дѣтородящихъ. Ибо не напрасно св. Давидъ предпочиталъ нѣкогда впасть въ руцѣ Божіи, нежели въ руки человѣческія. Среди болѣзней чадорожденія вы, жены, находитесь именно въ рукахъ Божіихъ; но, находясь въ рукахъ Божіихъ, не отвращайте взоровъ своихъ отъ лица Божія. Простирайте руки ваши не столько къ людямъ, слабымъ и часто немогущимъ подать вамъ никакой помощи, сколько къ Богу крѣпкому и живому. Если какая сила скорѣе можетъ восполнить немощь природы и разрѣшить узы плоти, то сила вѣры и молитвы, для коей нѣтъ ничего невозможнаго. А чтобы самая молитва ваша была дѣйствительнѣе и богопріятнѣе, растворите ее духомъ вѣры и покаянія. Страданіями нашей плоти Господь всегда хочетъ изгнать какой-либо недугъ изъ нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяніе въ прошедшихъ грѣхахъ нашихъ и твердый обѣтъ вести себя впредь богобоязненно, кротко и смиренно — есть самый дѣйствительнѣйшій способъ преклонить правду Божію на милость, вмѣстѣ съ чѣмъ сократятся и всѣ страданія плоти. Посему нельзя довольно похвалить тѣхъ богобоязненныхъ женъ, кои, предъ наступленіемъ чадорожденія, совѣтуются не съ одними врачами тѣлесными, а готовятъ себя къ грозной минутѣ молитвою и таинствами св. Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой жены въ такомъ положеніи: ибо кто можетъ поручиться, чтобы часть дѣторожденія не обратился въ часть смерти для рождающей? Какъ же не подготовиться къ такой опасности покаяніемъ и причащеніемъ св. Таинъ?

Но это все невольно наводитъ страхъ, хотя и спасительный. Не скроемъ же и того, что можетъ служить къ великому ободренію и утѣшенію для женъ, среди ихъ страданій во время родовъ. Что это такое? То, что болѣзни рожденія, когда онѣ переносятся въ духѣ вѣры и покаянія, суть самое дѣйствительное средство къ изглаженію вольныхъ и невольныхъ грѣхопадений. На это намекаетъ уже сама природа; ибо послѣ болѣзней рожденія всякій разъ очищается все тѣло жены. Но будетъ очищаться не одно тѣло, а и душа, коль скоро, страдая тѣломъ не будутъ забывать при семъ своей души. Сіе-то самое, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду апостоль Павелъ, когда написалъ, что жена *спасется чадородія ради* (I Тим. 2, 15). Надобно токмо родить чадъ не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произволъ судьбы, или на попеченіе наемныхъ приставниковъ, а воспитывать самимъ въ страхѣ Божіемъ и повиновеніи уставамъ св. Церкви. Ибо и Апостоль не сказалъ просто: *спасется чадородія ради* (иначе у которой было бы болѣе дѣтей, та была бы потому и спасеннѣе другихъ), а присовокупилъ: *еще пребудутъ въ вѣрѣ и любви, во святыни съ цѣломудріемъ* (I Тим. 2, 15). И въ другомъ мѣстѣ, похваляя вдовицу, похваляетъ не просто, а съ условіемъ: *еще чада воспитала есть, еще скорбнымъ утѣшеніе бысть, еще всякому дѣлу благу послѣдовала есть* (I Тим. 5, 10). При такомъ только нравѣ и такомъ поведеніи женъ обращается имъ во спасеніе и дѣло ихъ чадорожденія, яко весьма трудное и болѣзненное, но въ тоже время необходимое для рода че-

ловѣческаго. Ибо, жена, скажемъ и это въ утѣшеніе страждущихъ, заступаешь въ семь случаѣ мѣсто какъ бы самого Творца, раждающая изъ себя человѣка, который въ первый разъ произведенъ былъ непосредственно самимъ Богомъ.

Видите теперъ, каково наказаніе Божіе? Видите, какъ въ немъ открытъ случай для женъ къ великой заслугѣ, къ достиженію самага спасенія вѣчнаго? Что можетъ быть важнѣе для насъ сего послѣдняго? Итакъ будемъ послушны и терпѣливы: терѣніе и вѣра награждаются, въ семь случаѣ, еще здѣсь на землѣ. Ибо, если отецъ и мать въ отношеніи къ дѣтямъ своимъ будутъ воодушевлены такимъ духомъ, какого требуетъ Евангеліе; то ихъ домъ будетъ не хуже рая, сдѣлается даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, лучше его; ибо въ рай прародители наши вошли невинные, а вышли изъ него грѣшниками, и распространили своимъ грѣхомъ клятву по всей землѣ, а въ такомъ домѣ будетъ напротивъ: въ него, путемъ рожденія, будутъ входить грѣшники (ибо *рожденное отъ плоти плоть есть*, Іоан. 3, 6), а изъ него, путемъ христіанскаго воспитанія, будутъ исходить праведники, и гдѣ ни будутъ жить, всюду станутъ распространять вокругъ себя миръ и благословеніе.

Второй видъ наказанія, возложеннаго на жену за преступленіе заповѣди – взять изъ ея отношенія къ мужу: *и къ мужу твоему обращеніе твое, и той тобою обладати будетъ*. Ты, какъ будто говоритъ Господь, почтена будешь отъ Меня равною съ мужемъ честию; подобно ему украшена образомъ моимъ; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свѣтъ, но получила тоже самое, даже удостоилась произойти не изъ земли, какъ онъ, а изъ ребра его: довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебѣ собственная его любовь къ тебѣ. Но ты не удовольствовалась всѣмъ симъ и взяла на себя большее, тебеѣ не принадлежащее: безъ его согласія вступила въ бесѣду и пріязнь съ змѣемъ; безъ его одобренія вкусила отъ плода запрещеннаго и не только сама нарушила заповѣдь, но подала къ тому же поводъ и мужу и увлекла его въ пропасть. Этого противозаконнаго господства твоего надъ супругомъ твоимъ не будетъ болѣе. За присвоеніе того, что не принадлежало тебѣ, ты потеряешь большую часть и того, чѣмъ обладала по праву. Въ тебѣ останется прежняя привязанность къ супругу: *къ мужу твоему обращеніе твое*; но въ немъ не будетъ уже прежняго благоснисхожденія; при всѣхъ ласкахъ и нѣжности его, ты невольно будешь всегда видѣть въ немъ своего владыку: *и той тобою обладати будетъ*. Такъ обладати, что ты съ воздыханіемъ не разъ вспомнишь о прежнемъ между вами равенствѣ; будешь сознавать не рѣдко свое преимущество предъ нимъ, но и въ семь случаѣ останешься въ зависимости не только отъ его ума и воли, отъ самыхъ прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его въ той полнотѣ, какъ-бы хотѣлось: *и той тобою обладати будетъ*.

Какъ ни грозны слова сіи въ отношеніи женъ, но они нисколько однако же не уполномочиваютъ мужей на тиранство надъ своими женами, и не означаютъ того, чтобы послѣднія отдавались имъ въ совершенное подчиненіе и рабство. Нѣтъ, это было бы противно намѣре-

нию Божию, равно какъ и благосостоянію рода человѣческаго. Ибо, что былъ бы за союзъ у мужа съ женою, если бы первый только всегда повелѣвалъ, а послѣдняя всегда только бы повиновалась? Тѣмъ паче, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Гдѣ жена – раба, тамъ нѣтъ истинной любви и мира, а только страхъ и принужденіе. Посему-то мы не видимъ въ семействѣхъ допотопныхъ патриарховъ не только никакого рабства и такъ называемаго заключенія женъ, но и многоженства. И послѣ потопа жены праотцевъ пользуются еще не малое время своею свободою и вліяніемъ на дѣла домашнія. Хотя Сарра уважаетъ, на примѣръ, Авраама, *господиномъ того зовущи* (Пет. 3, 6), какъ замечаетъ Апостолъ; но это господство Авраама состояло не въ величавости предъ женою и приказаніяхъ, а въ большей предъ нею мудрости. Уже въ послѣдствіи, когда, съ усиленіемъ въ родѣ человѣческомъ грѣха и страстей и съ постепенно большею потерею чистоты нравовъ, мужа, вмѣсто закона взаимной любви къ женамъ, начали слѣдовать своему слѣпому произволу; когда только жребій женъ, смягчаемый дотолѣ любовію мужнею, началъ тяжелѣть и преогорчеваться болѣе и болѣе, такъ что жена наконецъ изъ помощницы, хотя зависимой, но все еще близкой къ мужу даже и по правамъ своимъ, ниспала въ состояніе безотвѣтной рабы и невольницы и обратилась въ жалкое орудіе страстей. Какъ ни противозаконно и ни вредно для благосостоянія рода человѣческаго такое уничтоженіе жены, но яко благопріятствующее страстямъ, оно, съ продолженіемъ времени, успѣло распространиться въ цѣломъ древнемъ мірѣ, возымѣло силу не только обычая, но и закона, отъ коего до сихъ поръ стенаютъ, какъ извѣстно, жены едва не у всѣхъ народовъ нехристіанскихъ.

И кто бы вывелъ женскій полъ изъ сего злосчастнаго состоянія, если бы не явилось на помощь Евангеліе Христово? Философія, по обычаю своему, не смѣла сказать о семъ ни одного слова. Только Евангеліе, своимъ ученіемъ о воздержаніи и свободѣ духовной, изгнало, вмѣстѣ съ многоженствомъ, уничтоженіе женскаго пола, возвѣстивъ въ слухъ всѣхъ, яко о Христѣ Исусѣ *нѣсть мужескъ полъ, ни женскій* (Гал. 3, 28), но вси едино и равны предъ Богомъ. Только Евангеліе внушило и поставило въ обязанность мужьямъ любить своихъ женъ, *якоже Христосъ возлюбилъ Церковь и Себе предаде за ню* (Ефес. 6, 25). Послѣ сего жена уже не могла быть рабою мужа, какъ бы онъ ни былъ высокъ и важень.

Не забываютъ же сего, жены, и лобызая Евангеліе Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Онъ крестомъ своимъ отверзъ вамъ, равно какъ и мужьямъ вашимъ, входъ въ рай потерянный и царство небесное, но и на землѣ снялъ съ васъ тѣ поносныя узы неволи и уничтоженія, въ коихъ полъ вашъ стоналъ, безъ надежды, цѣлыя тысячелѣтія. Аминь.

ИННОКЕНТИЙ БОРИСОВ

БЕСЕДА В СРЕДУ

5-й НЕДЕЛИ ВЕЛИКОГО ПОСТА

**И женѣ рече: умножая умножу печали твоя и
воздыханія твоя: в болѣзнехъ родиши чада: и
къ мужу твоему обращение твое, и той тобою
обладати бѣдетъ (Быт. 3, 16)**

Чем более размышляем мы, братья мои, о сказании Моисеевом касательно падения прародителей наших, тем сильнее убеждаемся, что только в этом святом сказании, несмотря на краткость его, содержится ключ к разрешению всех недоумений касательно настоящего бытия нашего на земле, к пояснению нынешнего состояния самой природы, нас окружающей. Ибо вообразим на время, что у нас нет подобного сказания; тогда мы не будем знать, как произошел мир и человек, что было потом с нашими прародителями, как они пали и увлекли за собою в бездну зла все, что от них зависело, или должно было зависеть в будущем: а без сего нельзя сказать совершенно удовлетворительно ни слова о настоящей судьбе рода человеческого и всего, что окружает нас: откуда, например, те бедствия, коими все мы окружены с младенчества до гроба, и для чего они? Откуда расстройство и беспорядок в природе, нас окружающей, которая, с одной стороны, является такой прекрасной, а с другой – представляет вид поля после великого сражения? Но когда вспоминаешь об Эдеме и плоде запрещенном, о змие-искусителе и пагубном плоде, о смоковничном препоясании и грозном, но столь же милосердном суде Божиим, то мрак, покрывающий судьбу земли и человека, рассеивается; узнаем, откуда зло в мире, за что и для чего страдает все живущее; и, вместо ропота и отчаяния, одушевляемся святым терпением и надеждою на Провидение. И были лжемудрецы, которые, отвергая сказание Моисея о первобытном человеке и его падении, думали еще показать этим свою мудрость! Что же смогли дать они взамен свитка Моисеева? Нелепые мечты расстроенного воображения, которые могли казаться стоящими внимания только их суемудрым изобретателям. Но честь и благодарность здоровой науке, которая, углубившись в исследование природы, не замедлила сама стать против лжеименной мудрости и показать всему свету, что бытописание Моисея превыше всякого сомнения, потому что написано не на одной хартии, а начертано неизгладимыми буквами на лице всей земли. Пожалев об этом печальном и уже почти прошедшем явлении, пойдем снова с благословением за боговдохновенным вождем нашим и выслушаем из уст его, как, во след за змием-искусителем, суд Божий коснулся и нас, которые так легкомысленно приложили слух к его оболыщению.

И жене сказал: умножая умножу печали твоя: в болезнях родиши чада: и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет. (Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезнях будешь родить детей; и к мужу твоему влечение твое, и он бу-

дет господствовать над тобою.) *Вопрошание* начато было с мужчины, а наказание начинается с женщины. Почему так? Потому, конечно, что женщина, как мы видели, первая открыла слух и сердце свои искустителю, и она же сделалась почти единственною причиною падения для своего мужа. Да не забывают сего женщины, кто бы они ни были и как бы высоко ни стояли, и да прилагают усилия к тому, чтобы скромностью, смирением и послушанием мужу вознаградить свое первобытное легкомыслие и кичливость!

Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей. Они будут, как было сказано, у тебя и сами по себе (ибо как не печалиться и не воздыхать той, которая легкомыслием и дерзостью своей подвергла стольким бедствиям и себя, и мужа, и весь род человеческий?); но кроме этого явится у тебя множество еще таких скорбей и воздыханий, от которых муж твой будет свободен, от которых и ты, хотя и преступница заповеди, была бы свободна, если бы не показала себя в деле общего преступления такой самонадеянной и особенно усердной к общей гибели. Поскольку такое удвоенное обуздание необходимо для твоей непомерной склонности к чувственному, то наложу его Я сам; и поскольку наложу Я, то никто не в состоянии будет снять его с тебя. Кем бы ты ни была, как бы высоко ни стояла, печали и воздыхания всюду будут следовать за тобою: *Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей!*

После такого как бы введения изображается уже само наказание женщины, состоящее из двух видов: она осуждается, во-первых, на болезни рождения, во-вторых, на подчинение своему мужу. Рассмотрим каждое наказание порознь: ибо в том и другом найдем урок для нашего назидания.

В болезнях будешь рождать детей. Значит, до преступления заповеди, в состоянии безгреховности, дети рождались бы без болезни. Так и должно быть. Ибо прилично ли столь великому и священному действию, каково произведение на свет человека, сопряжену быть с болезнями и страданием? Только один грех, став причиною, мог произвести сие, заставив явиться скорбь и болезнь там, где бы надлежало быть одной чистой радости и святому веселию. Посему животные и донныне свободны от большей части мук чадорождения, как бы в показание того, что если человек столько подлежит им, то не по необходимому закону природы, а по особенному распоряжению о нем Промысла Божия. Но поскольку в этом случае действовало само правосудие Божие, то не без мудрого, конечно, намерения обратило в наказание женщине то самое, что в состоянии безгреховности могло сопровождаться одним чистым удовольствием. Ибо Господь всеблагой, если наказует кого-либо, то наказует всегда так, чтобы наказуемый самим наказанием отводился от какого-либо зла и приводился к какому-либо добру. В настоящем случае, когда определялась судьба не одной Евы, а в лице ее и всех будущих дочерей человеческих, целой половины всего рода человеческого, тем более имелось в виду не мщение какое-либо и не желание поразить как можно чувствительнее и преогорчить самую большую радость в жизни, а благо самой женщины.

Какое же благо, спросит кто-либо? То, чтобы удержать на будущее время женщину от поползновения к греху. При запрещенном древе, Ева, как мы видели, обнаружила крайнюю склонность свою прельщаться внешним видом и увлекаться наслаждением чувственным. Если при взоре на красивое дерево и сладкий плод она так потерялась и погибла; то что будет с нею при встрече с красотой одушевленной? И вот, в ограду ее целомудрия, без которого жена есть *как сосуд погибели*, ставятся бессменные, неумолимые и неподкупные стражи – болезни чадорождения. Так, увлекаемая страстью, она будет удерживаема представлением продолжительности бремяношения и мук рождения, которые ожидают ее за минутное услаждение плоти. Вместе с этим посредством этого же самого наказания женщины, будет достигнута у Промысла и другая, не менее важная цель в отношении ко всему роду человеческому, та цель, чтобы связать теснейшим союзом любви рождающих с рожденными от них. В самом деле, почему матери гораздо приверженнее к детям, нежели отцы? Потому, что дети достались им гораздо дороже, нежели отцам.

Но, с другой стороны, то, что было причиною для нас печалей и болезней, то обыкновенно становится после того неприятным и отвратительным, так что мы не можем впоследствии и смотреть равнодушно на прежде бывший источник скорбей наших. Посему можно было опасаться, что и в сем случае умножение для женщины болезней во время ее чревоношения и рождения произведет нечто подобное и заставить женщину, пожалуй, вовсе отвергнуть жизнь брачную, что было бы противно целям самого Промысла о размножении на земле рода человеческого. Что же делает Премудрость Божия для удаления сей противоположной крайности? Ничего более, как соединяет конец чадорождения с такою чистою душевною радостью, что женщина, как говорит сам Спаситель, не помнит уже в то время прежней скорби своей – за радость, *что родился человек в мир* (Иоан. 12, 21). Так умеет Промысл достигать своих премудрых и всеблагих целей!

С намерением, братья мои, остановились мы на сем предмете и входим в такие подробности, дабы дать женщинам случай вникнуть более в определение Божие о них и почерпнуть из него для себя и назидание, и утешение. Велики скорби женщины! Дорого стоит ей младенец, которого лелеет она у груди своей! Сто крат дороже, нежели его отцу и ее мужу! Но это не слепой какой-либо случай судьбы, а премудрое и всесвятое определение Божие. Посему-то никакая из женщин не свободна от болезней рождения. В чертогах великолепных страдают так же, как и в последней хижине. Женщины высшего звания и сана подлежат нередко даже большим опасностям и мукам при чадорождении, нежели женщины простых людей; и это потому, что слишком искусственным образом жизни своей они весьма далеко уклоняются от простых законов природы, а нравами своими – от чистоты душевной, и таким образом сами для себя увеличивают тяжесть наказания Божия. Но как бы оно ни было тяжело, поскольку от Бога, то всегда может служить на пользу душевную, если только мы не испортим дела с нашей стороны. Сама мысль, что они страдают по воле и

непосредственному распоряжению Божию, должна служить великою отрадою для женщин деторождающих. Ибо не напрасно св. Давид предпочитал некогда впасть в руки Божии, нежели в руки человеческие. Среди болезней чадорождения вы, женщины, находитесь именно в руках Божиих; но, находясь в руках Божиих, не отвращайте взоров своих от лица Божия. Простирайте руки ваши не столько к людям, слабым и часто не могущим подать вам никакой помощи, сколько к Богу крепкому и живому. Если какая сила скорее может восполнить немощь природы и разрешить узы плоти, то это сила веры и молитвы, для которой нет ничего невозможного. А чтобы сама молитва ваша была действительнее и богоприятнее, наполняйте ее духом веры и покаяния. Страданиями нашей плоти Господь всегда хочет изгнать какой-либо недуг из нашего сердца и духа. Посему искреннее раскаяние в прошедших грехах наших и твердый обет вести себя впредь богобоязненно, кротко и смиренно есть самый действительнейший способ преклонить правду Божию на милость, вместе с чем сократятся и все страдания плоти. Посему нельзя перехвалить тех богобоязненных женщин, которые, пред наступлением чадорождения, советуются не с одними врачами телесными, а готовят себя к грозной минуте молитвою и таинствами св. Церкви. Это, можно сказать, необходимость для каждой женщины в таком положении: ибо кто может поручиться, чтобы час деторождения не обратился в час смерти для рождающей? Как же не подготовиться к такой опасности покаянием и причащением св. Таинств?

Но это все невольно наводит страх, хотя и спасительный. Не скрою же и того, что может служить к великому ободрению и утешению для женщин, среди их страданий во время родов. Что это такое? То, что болезни рождения, когда они переносятся в духе веры и покаяния, есть самое действенное средство к заглаживанию вольных и невольных грехопадений. На это намекает уже сама природа, ибо после болезней рождения всякий раз очищается все тело женщины. Но будет очищаться не одно тело, а и душа, коль скоро, страдая телом, не будут забывать при этом своей души. Именно это, без сомнения, имел в виду апостол Павел, когда написал, что жена *спасется чадородия ради* (I Тим. 2, 15). Надобно только родить детей не по одной плоти, а и по духу, то есть рожденное не оставлять на произвол судьбы, или на попечение наемных приставников, а воспитывать самим в страхе Божиим и повиновении уставам св. Церкви. Ибо и Апостол не сказал просто: *спасется чадородия ради* (иначе у которой было бы более детей, та была бы потому и спасеннее других), а добавил: *если пребудет в вере и любви, во святых и целомудрии* (I Тим. 2, 15). И в другом месте, похваляя вдовицу, похваляет не просто, а с условием: *еще чада воспитала есть, еще скорбным утешение бысть, еще всякому делу благу последовала есть* (Известная по добрым делам, если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу) (I Тим. 5, 10). При таком только нраве и таком поведении женщин обращается им во спасение и дело их чадорождения, как весьма трудное и болезненное, но в тоже время необходимое для

рода человеческого. Ибо женщина, скажем и это в утешение страждущих, заступает в этом случае место как бы самого Творца, рождая из себя человека, который в первый раз произведен был непосредственно самим Богом.

Видите теперь, каково наказание Божие? Видите, как в нем открыта возможность для женщин к великой заслуге, к достижению самого спасения вечного? Что может быть важнее для нас этого последнего? Итак, будем послушны и терпеливы: терпение и вера награждаются в этом случае еще здесь на земле. Ибо, если отец и мать в отношении к детям своим будут воодушевлены таким духом, какого требует Евангелие, то их дом будет не хуже рая, сделается даже, в некотором отношении, лучше него; ибо в рай прародители наши вошли невинные, а вышли из него грешниками и распространили своим грехом проклятие по всей земле, а в таком доме будет напротив: в него, путем рождения, будут входить грешники (ибо *рожденное от плоти плоть есть*, Иоан. 3, б), а из него, путем христианского воспитания, будут исходить праведники и где они ни будут жить, всюду станут распространять вокруг себя мир и благословение.

Второй вид наказания, возложенного на женщину за преступление заповеди, взят из ее отношения к мужу: *и к мужу твоему обращение твое, и той тобою обладати будет (и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою)*. Ты, как бы говорит Господь, почтена была от Меня равною с мужем честью; подобно ему украшена образом моим; подобно ему поставлена владычицею рая; и хотя пришла позже его на свет, но получила то же самое, даже удостоилась произойти не из земли, как он, а из ребра его: довольно бы для тебя сей чести, довольно бы того, что предоставляла тебе собственная его любовь к тебе. Но ты не удовольствовалась всем этим и взяла на себя большее, тебе не принадлежащее: без его согласия вступила в беседу и приязнь со змием: без его одобрения вкусила от плода запрещенного и не только сама нарушила заповедь, но подала к тому же повод мужу и увлекла его в пропасть. Этого противозаконного господства твоего над супругом твоим не будет более. За присвоение того, что не принадлежало тебе, ты потеряешь большую часть и того, чем обладала по праву. В тебе остается прежняя привязанность к супругу: *к мужу твоему обращение твое (и к мужу твоему влечение твое)*; но в нем не будет уже прежнего благоснисхождения; при всех ласках и нежности его, ты невольно будешь всегда видеть в нем своего владыку: *и той тобою обладати будет (и он будет господствовать над тобою)*. Так обладати, что ты с вздыханием не раз вспомнишь о прежнем между вами равенстве; будешь сознавать нередко свое преимущество пред ним, но и в этом случае останешься в зависимости не только от его ума и воли, от самых прихотей; и сколько бы ни искала способа свергнуть тяжкое иго, никогда не найдешь его в той полноте, как бы хотелось: *и той тобою обладати будет (и он будет господствовать над тобою)*.

Как ни грозны слова эти в отношении женщин, но они нисколько не уполномочивают мужей на тиранство над своими женами, и не

означают того, чтобы последние отдавались им в совершенное подчинение и рабство. Нет, это было бы противно намерению Божию, равно как и благосостоянию рода человеческого. Ибо, что был бы за союз у мужа с женою, если бы первый только всегда повелевал, а последняя всегда только бы повиновалась? Тем более, что было бы за семейство, если бы жена походила на невольницу? Где жена – раба, там нет истинной любви и мира, а только страх и принуждение. Потому-то мы не видим в семействе допотопных патриархов не только никакого рабства и так называемого заключения жен, но и многоженства. И после потопа жены праотцев пользуются еще не малое время своею свободой и влиянием на дела домашние. Хотя Сара уважает, например, Авраама, *господином того зовущи* (Пет. 3, б), как замечает Апостол; но это господство Авраама состояло не в величавости пред женою и приказаниях, а в большей пред нею мудрости. Уже впоследствии, когда, с усилением в роде человеческом греха и страстей и с постепенно большею потерей чистоты нравов, мужья, вместо закона взаимной любви к женам, начали следовать своему слепому произволу; тогда только жребий жен, смягчаемый дотоле любовью мужнею, начал тяжелеть и преогорчеваться более и более, так что жена наконец из помощницы, хотя зависимой, но все же еще близкой к мужу даже и по правам своим, ниспала в состояние безответной рабы и невольницы и обратилась в жалкое орудие страстей. Как ни противозаконно и ни вредно для благосостояния рода человеческого такое унижение женщины, но как благоприятствующее страстям, оно, с продолжением времени, успело распространиться в целом древнем мире, возымело силу не только обычая, но и закона, от которого до сих пор стенают, как известно, женщины едва ли не у всех народов нехристианских.

И кто бы вывел женский пол из сего злосчастливого состояния, если бы не явилось на помощь Евангелие Христово? Философия, по обычаю своему, не смела сказать об этом ни одного слова. Только Евангелие, своим учением о воздержании и свободе духовной, изгнало вместе с многоженством унижение женского пола, известив вслух всех, как о Христе Иисусе *нет мужеск пол, ни женский (нет мужеского пола, ни женского)* (Гл. 3, 28), но все едино равны пред Богом. Только Евангелие внушило и поставило в обязанность мужьям любить своих жен, *якоже Христос возлюбил Церковь и Себе предаде за ню (Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее)* (Ефес. 5, 25). После этого жена уже не могла быть рабою мужа, как бы он ни был высок и важен.

Не забывайте же сего, женщины, и, лобызая Евангелие Христово, благодарите Виновника его не только за то, что Он крестом Своим отверз вам, равно как и мужьям вашим, вход в рай потерянный и царство небесное, но и на земле снял с вас те позорные узы неволи и унижения, в которых пол ваш стенал без надежды целые тысячелетия. Аминь.